

ЧАСТЬ IV

Двойственный характер труда

11

Трещины — это восстание одной формы действий против другой: восстание делания против труда.

Фокусировка на трещинах переносит нас назад и вперёд, от восторга к отчаянию, от отчаяния к надежде и решимости, потом обратно. Разрывы сталкиваются с социальным синтезом, и поглощаются или подавляются. Мы восстаём против машины, но хотим большего: хотим сломать её и создать что-то иное.

Традиция ортодоксального марксизма говорит нам, что единственный путь вперед — это сломать систему в целом, захватить государственную власть, демонтировать капитализм и построить социализм. Но это не работало и не работает. Наш единственный вариант — бороться с частным, но тогда мы сталкиваемся с силой целого. Было бы прекрасно просто забыть о силе целого, но она здесь — действительная, сокрушительная сила социального синтеза.

Мы перемещаемся туда-сюда между отчаянием и надеждой. Пинг-понг. Мы с ума сошли со своим бунтом, или же в нашей борьбе с капитализмом есть некая реальная сила? Являемся ли мы печальными Дон Кихотами, потерявшими связь с исторической реальностью, или же мы первые ласточки нового лета? «Прежде чем время пробьётся и наступит», — писал Людвиг Бёрне в начале XIX века, — «оно посылает вперёд способных и доверенных людей, чтобы разведать новую территорию. Если бы этим вестникам было дозволено идти своим путём, люди довольно скоро узнали бы, куда направляется время. Но этому не бывать, эти предвестники именуются нарушителями спокойствия, соблазнительями, фанатиками — и сдерживаются насильно»^[1]. Но как мы, потенциальные вестники новой эры, узнаем, что мы не сумасшедшие нарушители спокойствия? Возможно *они* правы. Может быть, такие книги — полная чушь или, что ещё хуже, ещё и вредная чушь.

Это фактическая и неотложная дилемма. Трещины существуют. Многие, многие люди посвящают свою жизнь нарушению правил, пытаясь жить так, чтобы это не соответствовало моделям капиталистических общественных отношений. Что мы им скажем? Предупредим ли мы их, что они не уйдут далеко, потому что рано или поздно система возобладает, и что единственный путь вперед — это или подчиниться, или бороться за свержение капиталистической системы в целом? Или мы предложим продолжать нажимать, чтобы трещины стали как можно больше, потому что трещины — это кризис системы, единственный способ, которым система может быть свергнута? Пугающий вопрос, потому что люди

поставили свои жизни на кон в поисках ответа. Бодание с реальностью может быть болезненным.

Чтобы попытаться найти путь вперёд, мы возвращаемся к тому, что мы уже обозначали, как основу трещины: «трещина — это ничем не примечательное создание пространства или момента, в котором мы утверждаем иной тип деятельности»^[2]. Мы начинаем с двух антагонистических типов деятельности: то, что мы отвергаем, и то, что мы пытаемся создать. Трещины — это восстания одного типа деятельности против другого типа деятельности.

«Мы не будем делать то, что требует капитал, мы будем делать то, что считаем необходимым или желательным». В этом суть трещины в капиталистическом господстве. «Мы не будем делать А, мы будем делать Б». Но нет — эта формализация совершенно неверна. Первый вариант (А — что требует капитал) принципиально отличается от второго варианта (Б — что мы считаем необходимым или желательным). «Делать» в первом случае (делать то, что требует капитал) абсолютно отличается от «делать» во втором случае (делать то, что мы считаем необходимым или желательным). *Делать* то, что мы не можем контролировать, — это опыт, полностью отличающийся от *деятельности* в области чего-то, что мы решили *делать*.

Нам действительно нужны два разных слова для двух форм действия. В русском языке^[3] для обозначения деятельности, которая является неприятной или подчинена внешнему принуждению или определению, есть слово «труд»^[4]. Найти подходящее слово для самоопределяющейся (или, по крайней мере, подталкивающей к самоопределению) деятельности гораздо сложнее, поэтому нам следует оставить слово «деятельность» в качестве общего термина, означающего деятельность, которая не обязательно подчиняется чужеродному определению, потенциально самоопределяющуюся деятельность^[5].

Суть нашей трещины можно перефразировать: «Мы не будем *трудиться* под руководством капитала, мы будем *делать* то, что считаем необходимым или желательным». Трещина — это восстание деятельности против труда.

Бунт деятельности против труда — это бунт одной формы деятельности, которую мы выбираем, против другой формы деятельности, которую мы отвергаем. Мы отвергаем труд, потому что неприятно что-то делать в результате внешних обязательств, а также потому, что мы видим, что именно труд создаёт капитал, создаёт мир несправедливости, уничтожающий человечество. Деятельность, которую мы выбираем, более приемлема в силу того, что мы её выбрали. А также она является попыткой остановки созидания капитализма и попыткой созидания иного мира.

История о трещинах — это история деятельности, которая не соответствует миру, угнетаемому трудом. Трещины — это несоответствие, неверная деятельность. Сказать, что трещины — вполне обычные восстания, значит сказать, что несоответствующий — это не кто-то или что-то маргинальное, а самый центр. Несоответствие является центральной частью повседневного опыта. Мы начинаем с этого, потому что именно такая неудача или отказ приспособиться к репрессивному обществу является основой надежды на то, что мы можем это общество изменить. Если мы посмотрим с точки зрения господства или начнем с анализа капитала, то

данных несоответствий попросту не существует. Поместить трещины в центр дают нам иную точку зрения: мы начинаем с того, что не соответствует, того, что переливается через край, того, что не ограничено, того, что существует не только внутри, но также и в противостоянии, и за пределами. Мы начинаем не с неподвижности идентичности, а с движения не- или, что точнее, анти-идентификации. Мы начинаем диалектически, но не с той диалектики, которую понимают как взаимодействие, а скорее с отрицающей неугомности несоответствия, с неудовлетворённости^[6].

Стержень, центральная точка опоры во всём этом — наша деятельность, человеческое творение. Одна из форм деятельности, труд, создаёт капитал — основу общества, разрушающего нас. Другая форма деятельности, которую мы называем просто «деятельность», встаёт против создания капитала и за создание иного общества. В обоих случаях наша деятельность находится в центре. Сосредоточив внимание на деятельности, мы ставим нашу собственную силу в центр нашего понимания общества. Эта сила — наша созидательная мощь (и, следовательно, наша мощь воздержаться от созидания, и наша мощь созидать иным образом). Сосредоточив внимание на деятельности, мы также чётко заявляем, что аргумент этой книги не «больше демократии!», а радикальная перестройка нашей повседневной деятельности, без которой призыв «больше демократии!» вообще ничего не значит^[7].

Движение туда-сюда между надеждой и отчаянием, неразрешимая дилемма наших трещин, не состоит из внешних сил, а связана с организацией нашей собственной практики. Мы создаём общество, от которого хотим избавиться. Это ужасно, но в этом и источник надежды. Если мы создаём капитализм, то мы также можем перестать его создавать и вместо этого сделать нечто иное. Надежда заключается в двойственном самоантагонистическом характере человеческой деятельности.

1. Bloch (1959/1986: 1367). Я немного изменил перевод. [↗](#)
2. См. выше в тезисе 5. [↗](#)
3. Автор, разумеется, говорит об английском языке, в котором есть слово «labour». Я постарался адаптировать этот фрагмент. Некоторые цинично-одиозные комментаторы связывают слово «труд» со словами «трудности» или «затруднения», что хотя и несколько притянута за уши, но действительно способно поместить данное слово в неприятный контекст. — прим. пер. [↗](#)
4. Энгельс добавил острое наблюдение в качестве сноски к «Капиталу», в котором он говорит: Преимуществом английского языка является наличие разных слов для двух рассматриваемых здесь аспектов труда. Труд, создающий Потребительскую Стоимость и ведущий качественный учёт — это *Work*, в отличие от *Labour*; труд создающий Стоимость и учитывающий количественно — это *Labour* в отличие от *Work*» (Marx 1867/1965: 47; 1867/1990: 138). Чтобы ещё сильнее подчеркнуть это различие, я предпочитаю

использовать *деятельность* вместо *работы* (work), которая всё еще несет в себе неприятный резонанс труда (labour).

5. Крис Артур посвящает очень полезный раздел первой главы своей «*Dialectics of Labour*» (1986) обзору использования слова «труд» (labour) молодым Марксом. Автор приходит к выводу, что «В таких текстах, как «*Рукописи 1844 года*» и «*Немецкая идеология*» (1846–47), Маркс ограничивает этот термин в виде «*производительная деятельность, осуществляемая под управлением частной собственности*». Это не тот термин, который он использует, когда хочет тематизировать деятельность, являющуюся универсальным онтологическим основанием общественной жизни. Ещё меньше это относится к будущей неотчуждаемой свободной деятельности». Он цитирует Маркса по Marx (1844/1975b: 285): «Отношение частной собственности содержит в себе в скрытом виде ... производство человеческой деятельности как труда, то есть деятельности, совершенно чуждой себе, совершенно чуждой человеку и природе». Артур указывает, что к тому времени, когда Маркс написал «Капитал», он использовал слово *Arbeit* (труд) в более общем смысле. Тем не менее ясно, что то, что Маркс теперь называет «двойственным характером труда», вызывает основную обеспокоенность, и что речь идёт о гораздо большем, нежели о контрасте между «производительностью» и стоимостью производства, как некоторые считают: см. в частности прекрасную гл. 7 т. 1 «Капитала*» на тему «Процесс труда и процесс производства прибавочной стоимости», а также раздел «Результаты непосредственного процесса производства капиталистического производства как производства прибавочной стоимости» (1867/1990: 975 и далее).
6. См. Adorno 1966/1990: 5: «Название «диалектика» говорит прежде всего лишь о том, что объекты не уходят в свои понятия, не оставив после себя остатка ... Противоречие ... указывает на ложность тождества, на то, что понятие не исчерпывает понятию вещь».
7. Некоторые авторы (такие как Хардт и Негри, в частности, Hardt and Negri 2004) переходят от критики капитализма к акцентированию на борьбе за демократию, но демократия мало что значит, если мы посвящаем свою жизнь производству капитала.